

УДК 1 (091)

В. В. РОЗАНОВ КАК ALTER EGO В «БЕСКОНЕЧНОМ ТУПИКЕ» Д. Е. ГАЛКОВСКОГО

А. М. Стрельцов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
streltsov@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждается способ интерпретации наследия В. В. Розанова применительно к контексту позднесоветской эпохи, предпринятый в философском романе Д. Е. Галковского «Бесконечный тупик». В рамках сложной и разветвленной структуры своего произведения Галковский представляет себя новым Розановым, который вовлекается в диалог с ключевыми персонажами литературоцентричной вселенной автора. Согласно Галковскому, без ответа на вопросы, профетически поставленные в творчестве Розанова, не может быть продвижения вперед, выхода из реализованного проекта анти-России XX в. В апроприации Розанова Галковским в рамках статьи выделены ключевые для книги темы смерти, религии, судьбы России, отцовства и сексуальности. «Бесконечный тупик», ставящий своей целью изменение убеждений читателя через планомерно осуществляемый откат к досоветским «настройкам», может рассматриваться как своеобразная имплементация риторического поворота в русскоязычной среде.

Ключевые слова: Розанов, Галковский, «Бесконечный тупик», смерть, отцовство.

Для цитирования: Стрельцов, А. М. (2026). В. В. Розанов как alter ego в «бесконечном тупике» Д. Е. Галковского. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 3. С. 271-283. DOI: 10.47850/RL.2026.7.3.271-283.

V. V. ROSANOV AS ALTER EGO IN “ENDLESS DEADLOCK” OF D. E. GALKOVSKY

A. M. Streltsov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
streltsov@mail.ru

Abstract. Article deals with the mode of interpretation of heritage of V. V. Rosanov in the context of late Soviet epoch, undertaken in the literary-philosophical novel of D. E. Galkovsky “Endless deadlock”. Within complex ramified structure of his work Galkovsky presents himself as a new Rosanov who engages in a conversation with the key players of his literature-centered proprietary universe. According to Galkovsky, questions prophetically posed in Rosanov’s literary work, demand an answer to enable way forward and departure from the from the anti-Russia project that has been realized in the 20th century. In Galkovsky’s appropriation of Rosanov addressed are key topics of death, religion, fate of Russia, fatherhood, and sexuality. “Endless deadlock” aims to implement the reset to the pre-Soviet settings on behalf of the reader and thus may be viewed as practical implication of the rhetorical turn within the Russian literary environment.

Keywords: Rozanov, Galkovsky, “Endless Deadlock”, death, fatherhood.

For citation: Streltsov, A. M. (2026). V. V. Rosanov as Alter ego in “Endless Deadlock” of D. E. Galkovsky. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 3. Pp. 271-283. DOI: 10.47850/RL.2026.7.3.271-283.

В основании настоящего очерка – доклад, который был прочитан на проведенной ИФПР СО РАН научной конференции, приуроченной к годовщине со дня рождения В. В. Розанова. Заявленная тема конференции, взятая из известного розановского

высказывания, «Болит душа за Россию», удивительно созвучна процессам, которые происходят в текущем году. Настоящее время порой сравнивают с годами эпохи революции и последующей гражданской войны или с переходными процессами позднего СССР и последующего постсоветского мира (кому что ближе), но в любом случае что-то такое витает в воздухе, что заставляет нас обращать пристальное внимание на Розанова спустя 170 лет со дня его рождения и 107 лет после его смерти.

Широко распространена, отчасти ироничная точка зрения, что покойный В. В. Жириновский был пророком и в какой-то степени имел дар предвидеть будущее. Он высказывался по разным поводам, зачастую эпатажно, и всегда можно «нарезать» картинку, где он рассуждает, что происходит сейчас на Ближнем Востоке или на более глобальном театре геополитики, так, как если бы он знал, что случится. Эта магия слегка, хотя и не до конца, развеивается, когда человек узнает, каким было его профессиональное образование в области востоковедения, каковы были его компетенции за пределами собственно политической деятельности, к которой он приступил уже в сравнительно зрелые годы.

В случае с Розановым произошло нечто подобное, хотя любые аналогии здесь во многом условны. Розанов начинал как профессиональный философ и классический филолог, бравшийся, помимо прочего, за перевод античных текстов, но далее он принял сознательное решение не становиться системным философом. Розанов, соответственно, состоялся в первую очередь как публицист, высказывавшийся на широкий круг тем. Он был очень плодовитым автором, и для вычленения философской составляющей в его текстах требуется некоторое усилие, которое, впрочем, вознаграждает того человека, который тратит силы на то, чтобы разобраться в этом.

В настоящей статье разбирается восприятие творчества Розанова в философском романе «Бесконечный тупик» Д. Е. Галковского, который предпринял усилие выступить как Розанов своего времени. Роман построен как серия комментариев к небольшому трактату о Розанове. Поскольку это глубоко личностное произведение, в оценке творчества и влияния как Розанова, так и других персонажей – реальных исторических личностей – своего романа Галковский обращает самое пристальное внимание на их биографические особенности, поэтому стоит начать с того же в отношении самого Галковского.

«Бесконечный тупик» был написан в 1985–1988 гг., далее фрагментарно публиковался в периодических изданиях в начале 90-х гг., но целиком был издан только усилиями самого автора в 1997 г. под эгидой «самиздата». Те, кто помнит эпоху «толстых журналов» периода перестройки и сразу после, когда отечественная публика была еще «самой читающей в мире», но при этом постоянно расширялся горизонт мировосприятия, хорошо могут представить себе, в какой обстановке появился «Бесконечный тупик». Книга с самого начала имела скандальную репутацию, и мало кто читал ее всю, но многие знали по отрывкам. Прочитаем для наглядности преамбулу к публикации частей «Бесконечного тупика» в сентябрьском номере «Нового мира» за 1992-й г.: «Книгу надо читать целиком. Тут все связано со всем. Любая цитата из книги заведомо недостоверна. Любая мысль, изъятая со страниц книги, становится неизвестно кому принадлежащей и неизвестно чье мнение выражающей. Отрывки из книги печатались в “Литературной газете”, “Нашем современнике”, “Независимой газете”, журналах “Логос”, “Социум” ... Все эти публикации неадекватны общему замыслу книги в той же степени, как и предлагаемая читателю публикация в “Новом мире”. Любой фрагмент, любая выборка сомнительны. В этой книге

каждый при желании найдет свое. И каждый будет оскорблен, удивлен, раздосадован. Книга откровенно провокативна, эпатажна, искренна, серьезна. Галковский серьезным тоном проговаривает то, что не думает (так нам показалось), и подчеркнуто иронически то, что думает, но то, что напрямую высказать даже в наше плюралистическое время трудно, даже невозможно. На всякий тезис в книге можно найти антитезис. В книге есть сквозные герои: Одинок (alter ego писателя), его отец, Соловьев, Чернышевский, Ленин, Набоков, Чехов, Розанов (выступающий как еще одно alter ego автора)» [Галковский, 1992а, с. 78].

Выдержки из «Бесконечного тупика» публиковались в соответствии с замыслом той или иной редакции периодического издания и, как потом рассудил автор, носили заведомо издевательский характер. «Новый мир» публиковал откровенные отрывки об отце Галковского, в то время как, например, «Наш современник» – «антисемитские» или приравненные к таковым части.

Между Галковским и Розановым прослеживаются параллели, но также и различия, хотя едва ли имеет смысл усматривать противоречие между, например, случайностью записей Розанова и запланированностью текста Галковского [Масленников, 2020, с. 180]. Подобно Розанову, Галковский не был человеком системы, если говорить о профессиональной философской деятельности. Подобно Розанову, Галковский стал известен на ниве публицистики; пик его первоначальной славы пришелся на 1992–1993 гг., и эта известность была связана со скандалами. Отношение к Галковскому далее колебалось от признания его современным гениальным писателем до представления его «городским сумасшедшим».

Розанов, как известно, получил классическое филологическое образование. Он выступал как переводчик Аристотеля. Его первое философское сочинение «О понимании» было попыткой рационального осмысления собственно философской темы. Для Галковского Розанов – «высокий профессионал»; для него неизмеримо важно, что «он тихо кончил историко-филологический факультет Московского университета и начал с комментариев к Аристотелю» [Галковский, 2020, с. 330, № 306¹].

Ранее детство Галковского, родившегося в 1960 г., прошло на Патриарших прудах и его воспоминания об этом времени светлые. Потом семья переехала на рабочую окраину в Нагатино, где окружающая среда была радикально другой. После окончания школы Галковский работал рабочим (мусорщиком) на ЗИЛе; чтобы не попасть в армию, лег в психиатрическую больницу, в МГУ поступил за взятку, но по причине диагноза его не приняли на дневное отделение. Он учился на вечернем отделении философского факультета. Чтобы показать, что он работает в дневное время и не попасть под закон о тунеядстве, он оформил себе фиктивные справки о трудоустройстве. В общем, это был советский театр абсурда. «Бесконечный тупик» он, как утверждает, написал в психологически очень трудных условиях, о чем можно составить впечатление по памфлету «Письма сестры» [Галковский, 2019, с. 152-153]. Парадоксальным образом сочетались унижительные условия быта и крайне сложные отношения с родственниками, которые пытались, по словам Галковского, выжить его из общей жилплощади, и осознание собственного дарования во владении словом. Благодаря ряду факторов, таких как наличие доступа в библиотеку

¹ Поскольку роман «Бесконечный тупик» построен как сеть примечаний, здесь и далее при ссылке на текст произведения наряду с номерами страниц приводятся номера самих примечаний, которые одинаковы для любого издания романа.

ИНИОН, а также связям с рынком подпольной и полуподпольной литературы, что включало ее ксерокопирование и сбыт, Галковский имел доступ к материалам, которые не были на тот момент опубликованы или отсутствовали в свободном обращении.

В некотором смысле обширные цитаты, в том числе из Розанова, в «Бесконечном тупике», слегка утомительные в плане восприятия в наши дни с учетом наступившей эпохи тотального доступа к источникам информации, можно объяснить прежним «духом времени». Галковский, подобно ирландским монахам «темных веков», пытался спасти цивилизацию, в данном случае русскую, путем переписывания (ксерокопирования) и включения в свое произведение ценных с его точки зрения материалов. Кроме того, он, что отчасти следует из его собственных воспоминаний более позднего периода, пытался проговорить то, что нельзя было сказать прямым текстом. Развитие свободы слова и появление новых материалов в интернете разрешили со временем эту проблему. Слово стало более доступным, но его удельный вес снизился.

К публицистике Галковского на стыке советской и постсоветской эпох были привлечены разные редакторы и литераторы. Например, В. Третьяков в тогдашней «Независимой газете» или В. Кожин из «Нашего современника», с которым Галковский поддерживал регулярное общение. Галковского какое-то время считали учеником Кожина, хотя сам он говорит об этом иначе².

Провокационность (даже для контекста «вседозволенности» начала 1990-х гг.), намеренно выбранный эпатажный стиль и демонстративное проявление неуважения к признанным советским мэтрам сделали Галковского «нерукопожатным» в среде тогдашней номенклатуры. Например, он выпустил разгромную статью о советской философии³. От него крепко досталось Э. Ильенкову и другим; про М. Мамардашвили он сказал, что тот не написал «ни одной строчки», должно быть, имея в виду специфику «соавторства» в кавказском обществе. В кризисе СССР и постсоветской Российской Федерации он обвинил поколение шестидесятников как первое аутентичное поколение советских людей, которых Советский Союз породил и которые его, в свою очередь, похоронили. Особенно «выстрелила» его перепалка с Б. Окуджавой. При выходе четвертого издания «Бесконечного тупика» в 2020 г. он объясняет тот факт, что «Бесконечный тупик» не был напечатан ни одним внешним издательством, завистью [Галковский, 2020, с. 1080], а также заговором против него по причине клятвы, которая была дана представителями номенклатуры Г. Гайдаром и А. Чубайсом Окуджаве, которого Галковский «обидел».

Как уже было сказано, для структуры «Бесконечного тупика» личность Розанова – магистральная. В романе 3 части: (1) вводная, «Закругленный мир», своего рода черновик, доклад, подготовленный в 1983–1984 гг. для «подпольного» философского кружка при МГУ, который так и не был прочитан; (2) «основной текст», трактат о Розанове, который называется так же, как все произведение, – «Бесконечный тупик»; (3) примечания. Это основная часть книги по объему и наполнению. Роман устроен как ветвистое дерево. Вначале идут примечания к «основному тексту», затем примечания к примечаниям, примечания к примечаниям примечаний. Одни примечания укладываются в одно-два

² Галковский, Д. Е. (2011). О Кожинове. [Электронный ресурс]. LIVEJOURNAL. URL: <https://galkovsky.livejournal.com/186254.html> доступ (дата обращения: 10.06.2026).

³ Галковский, Д. Е. (1993). Разбитый компас указывает путь. [Электронный ресурс]. URL: <http://samisdat.com/2/214-rkom.htm> (дата обращения: 10.06.2026).

предложения, а другие по объему сопоставимы с небольшим очерком. Сам автор говорит еще про подразумеваемый вариант 4-й части: «это сам Розанов, так что одна из целей книги – своеобразные пролегомены к Розанову, плавный переход от “полного текста” к его полной разрушенности, от целого тома к рассыпанному вороху страничек, от “Закругленного мира” к “Опавшим листьям”. После “опавших ветвей” начинается сам Розанов...» [Там же, с. 21, № 7].

В целях интерпретации личности Розанова в перипетиях «Бесконечного тупика» возможно выделить несколько ключевых, с нашей точки зрения, тем или линий романа, имеющих отношение к Розанову: отождествление протагониста романа Одинокова и Розанова, смертность и смерть человека, вера, судьба России, отец, сексуальность. Между собой они, в свою очередь, пересекаются или обыгрываются на нескольких уровнях, так что, говоря об одной из них, не получится обойтись без того, чтобы упомянуть какую-либо другую.

Отождествление Одинокова и Розанова. Розанов как alter ego автора

Во время работы над романом Галковскому не хватало человека, подобного Розанову, говорившему свободно, без оглядок на авторитеты среди его современников. Он нашел такого человека в тексте и отождествил себя с ним. Текст Розанова для Галковского сакрален [Галковский, 2020, с. 13, № 1] и основная задача его в том, чтобы не «раствориться» в Розанове, утратив свое «я», но в то же время не отделить себя от него [Там же].

Одинокоев, от лица которого Галковский ведет повествование в «Бесконечном тупике», имеет девичью фамилию матери автора. Одинокоев полагает, что не «растворяется» в Розанове. В некотором смысле он считает себя новым Розановым, поставленным в другую историческую обстановку. То, что сказал исторический Розанов, – под этим Одинокоев подписывается, сживает с этим и затем как бы разъясняет и продолжает мысль Розанова. В то же время Одинокоев словно уверен в том, что Розанов продолжает говорить через него, что на его месте Розанов выразился бы подобным образом или даже точно так же [Там же, с. 523, № 473]. Оба характеризуются контрастами: с одной стороны – мегаломания, с другой – самоуничижение на грани юродства. В этом они персонифицируют русский национальный характер, актуализируют национальный опыт.

Несмотря на отождествление Одинокоева с Розановым, между ними есть существенное отличие [Там же, с. 1071, №946]. Розанову было что терять – Россию. А у Одинокоева-Галковского России уже нет [Там же, с. 1034, № 943]. Россия погибла. «Розанову было что терять – дом, семью, детей, Россию. Мне же – нечего. Розанов содержателен, полон. Я – пуст» [Там же, с. 1072, № 946]. «Где стол был яств, там гроб стоит». Но Одинокоев все равно тянет лямку. Почему? Осознает себя русским. «Склад души». Это постоянный поиск себя, поиск цели в жизни, в результате чего в центре оказывается Розанов [Там же, с. 1033, № 940]. Слово порождает реальность. «Бог способен из камней сих создать детей Аврааму». В случае рефлексии автора «Бесконечного тупика» он, читая текст Розанова, осознает себя Розановым как подлинно русским человеком (в данном случае имплицитно подразумевается дихотомия русский–советский). Автор пишет о себе под маской Розанова [Там же, с. 175, № 149],

отождествляет себя с ним [Там же, с. 1033, № 940]. Только в соотнесении себя с Розановым жизнь становится подлинной [Там же, с. 1033, № 940]. Уже здесь видна сквозная линия «Бесконечного тупика», связь индивидуального начала (Розанов-Одинокоев) и общественного (страна). «Русская история любит договаривать. До конца» [Там же, с. 18, № 6]. В данном случае история договорилась до того, что в советской пустыне появился Одинокоев как феникс-Розанов, восставший из пепла. Одинокоеву интересен только он сам, но он сам именно как русский, но новый Розанов [Там же, с. 567, № 507; с. 646, № 572].

Отождествление себя с Розановым подразумевает глумление над ним [Там же, с. 122, № 97] и, соответственно, над самим собой, юродство, клоунаду, самораспад [Там же, с. 46, № 24; с. 167, № 141]. Но в то же время Розанов в «Опавших листьях» сводит для Одинокоева картину мира, разорванную Лениным, воедино [Там же, с. 622, № 555]. Но «Ленин» тоже выражает некое коллективное начало. В другом месте Одинокоев говорит: «У меня была немецкая, протестантская юность» [Там же, с. 222, № 207], имея в виду не только свое обучение в немецкой спецшколе, сколько заикленность советской парадигмы на немецкой философии (которой сформирован был и Ленин) в противовес античной философии.

Для Одинокоева Розанов – «самый ИСТИННЫЙ» русский мыслитель [Там же, с. 234, № 222], но теперь он уже как бы «пропущен» через Одинокоева [Там же, с. 796, № 708]. В этом замечании кажется, что Одинокоев подменяет собой Розанова, но лучше это понимать в том смысле, что Розанов – это «вход» в тупик, а «Бесконечный тупик» как произведение предлагает и выход из тупика. И в этом смысле Одинокоев не уникален. Он скорее первопроходец. В некотором смысле любой читатель Розанова, пропуская его «через» призму романа Галковского, становится немного Розановым [Там же, с. 233, № 219]. То есть, осмысливая Розанова как подлинно русского писателя, проникаясь им, читатель понемногу становится русским, воспроизводит в себе русскость. Розанов, таким образом, – герменевтический ключ к обретению «русскости», но также и к тому, чтобы стать философом [Там же, с. 230, № 216].

Смерть и смертность

Согласно Галковскому, «в одном из центров «Опавших листьев» – болезнь и умирание близкого человека», и те же темы поднимаются в «Бесконечном тупике». Смерть, таким образом, – отправная точка и ключевая тема всего романа. Она, в свою очередь, делится на две подтемы. (1) Я сам лично смертен. Я ничего не могу с этим поделать. Я умру. В исторической перспективе это произойдет, условно говоря, завтра. Как мне жить, зная, что я неизбежно умру? Это осмысление хрупкости человеческого существования в русле «Смерти Ивана Ильича» Л. Н. Толстого. (2) Смерть близкого человека. Для Галковского в первую очередь – смерть отца. Здесь опять же возникает вопрос: как мне дальше жить, осознавая, что со смертью близкого и родного мне человека умерла частичка моего «я» и я никак не смогу это восстановить и вернуть («Отец умер, и я с ним связан, это умерла часть меня» [Галковский, 2020, с. 700, № 625] – также про Розанова).

Галковский описывает, как умирали отдельные люди: Толстой, Чехов [Там же, с. 177-178, № 151], сам Розанов [Там же, с. 225, № 209; с. 962, № 863]. Розанов умер как христианин, «строго и мужественно» [Там же, с. 962, № 863]. И, конечно, смерть отца в нежном возрасте Галковского – особая линия в романе. Автор в этой связи приводит

душещипательную и перекликающуюся с его собственным мировосприятием цитату из Розанова: «Только оканчивая жизнь, видишь, что вся твоя жизнь была поучением, в котором ты был невнимательным учеником. Так я стою перед своим неувученным уроком. Учитель вышел. “Собирай свои книги и уходи”. И рад был бы, чтобы кто-нибудь “наказал”, “оставил без обеда”. Но никто не накажет. Ты – вообще никому не нужен. Завтра будет “урок”. Но для другого. И многие будут заниматься. Тобой никогда более не займутся» [Там же, с. 127, № 101; с. 674, № 593].

С одной стороны, смерть отца по-сократически описывается как «благородное событие и в то же время вершина его жизни» [Там же, с. 843, № 747]. С другой – значительный элемент трагикомичности в описании того, как это происходило, подчеркивает абсурд советской действительности. В окружающем Галковского мире даже людям, считающим себя философами, нет дела до смерти: они живут так, как будто вечны, в то время как это принципиальный вопрос: «Читают лекцию по философии. Я вопросик лектору, “записку из зала”: “Такого-то числа такого-то месяца и года у меня умер Отец”. И подпись: “Одинокое”. – Ну и что? При чем здесь это-то? О чем вы, милейший?! Ну конечно, очень жалко, мы сочувствуем и т. д. И я получаюсь каким-то “и т. д.” “Идите отсюда”» [Там же, с. 125, № 100].

Смерть и самоубийство в творчестве Платона – тема дипломной работы Галковского на философском факультете МГУ. Он считает, что Сократ, великолепно владевший диалектикой, легко мог бы переспорить афинян на суде, но сознательно выбрал «изошренное самоубийство» под воздействием «демона смерти» [Там же, с. 936, № 841]. Розанов – русский Сократ. Подобно тому, как философия Сократа – это сам Сократ, так и со смертью Розанова «мир исчез». Он умер преждевременно, потому что кончина философа всегда безвременна [Там же, с. 673, № 593]. Остался только текст, который можно обдумывать и развивать. «Еврейская» тема также развивается в связи с темой смерти: «Еврей не может быть философом ... евреи боятся философии ... потому что они боятся смерти» [Там же, с. 956, № 858].

Религия и вера

Заглавие романа – «Бесконечный тупик» – обязано высказыванию Розанова: «Ветхий Завет – нескончаемость. Евангелие – тупик» [Галковский, 2020, с. 885, № 783]. Парадоксальным образом Галковский считает Розанова верующим человеком и православным христианином [Там же, с. 669, № 590]. Одинокое признает, что Бог есть, но в то же время говорит, что, в отличие от Розанова, интимно Бога для него не существует [Там же, с. 954, № 855]. В одном случае Одинокое парадоксально взывает к Богу: «Господи, зачем Ты дал мне разум, волю, жизнь ... а веру в Тебя не дал?» [Там же, с. 288, № 275]. Трудно сказать, насколько это сознавал автор, но это очень напоминает язык веры из Евангелия от Марка 9:24: «Верую, Господи! Помоги моему неверию». В другом месте романа [Там же, с. 415, № 387] приводится известная цитата из Тертуллиана об абсурдности веры, на которой акцентируется внимание; показывается, что к вопросам веры бессмысленно подходить с сугубо рациональными установками.

Что касается самого Розанова, антиподом для него в романе выступает В. С. Соловьев, которому Галковский вменяет в вину рациональную концепцию веры и подмену веры в Бога верой в себя (Соловьева). «Вместо русской христианской философии получилась русская

соловьевская философия. Христос был заменен Соловьевым». Розанов же, напротив, развел веру и разум, оставил пространство для личной веры. А в пространстве разума позволял себе «вольности». «Он наглуго русскую мысль и не пустил в христианство, не удостоил христианства ... Вместо Христа он поставил Розанова. Но Розанова как Розанова, а не как Христа» [Там же, с. 725, №641].

Согласно Галковскому, Розанов осознавал, что «русский, захваченный какой-либо конкретной идеей, ушедший в конкретную идею, – это страшный человек» [Там же, с. 834, № 740; с. 1177]. В этом смысле Розанов «сознательно отказался от пути русского монотонного монотеизма» [Там же, с. 834, № 740]. Он критикует А. С. Хомякова как славянофила, который монотонно впился в идею критики западного мира. Розанов был более чутким. Однажды Розанов высмеял Хомякова, заявив, что он подходит к философии Лютера «с какими-то вопросами киевского семинариста, с какой-то схоластической тетрадкой “вопросов” и “ответов”, спрашивает его по “вопросам” и, не слыша от него “ответов”, значащихся в киевской тетрадке, творит над ним суд до того неуклюжий и не в соответствии с событием и лицом, что читателя по коже дерет» [Там же, с. 834, № 740].

Судьба России

Для Галковского «судьба Розанова – вопрос жизни» [Галковский, 2020, с. 994, № 897]. Судьба Розанова – это, в свою очередь, «опыт максимального осуществления русской личности и способ ее существования в мире» [Там же, с. 15, № 3], который «можно воспроизвести изнутри». Здесь мы видим соответствие судьбы России как макромира и судьбы отдельной русской личности.

«Розанов – это Сверхдостоевский» [Там же, с. 496, № 452; с. 1156]. В нем получила максимально возможное развитие русская личность. Это розановское личное начало развилось именно потому, что среда разрушилась, не осталось естественных внешних подпорок. «Революция – это катастрофа» [Там же, с. 71, № 47]. В Галковском-Одинокове, живущем в апокалиптическом мире, «как и в любом русском, проигрывается русская история» [Там же, с. 91, № 64]. В свою очередь, воссоздать Розанова (в себе) – значит воссоздать Россию.

В «Бесконечном тупике» большое внимание уделяется осуществлению русской истории, тому, как превращается в реальность и сбывается слово, выраженное в русской литературе. Например, в вопросе дуэлей мифы сбываются [Там же, с. 219-220, № 203; с. 228, № 213]. «По-русски достаточно не то что задумать преступление, а только помечтать о нем, и однажды все внезапно перетечет в реальность» [Там же, с. 58, № 38]. У Достоевского (как и у Розанова позже) богохульство «для вида» [Там же, с. 58, № 39]. А в Советском Союзе это осуществлялось сознательно. В реальности исполнилось то, что было «понарошку, в мыслях, в словах».

«Все русские писатели, – говорит Галковский, – писали коллективно одну книгу ... Мозг порождал антихриста» [Там же, с. 94, № 67]. Если бы Достоевского расстреляли в 1849 г., «Бесов» как произведения бы не было, но и «бесов» бы не было [Там же, с. 60-61, № 41]. Достоевский словно «проговорил» их к бытию, выразил в языке, и они осуществились в реальности.

«Бесы» – это модель русской истории [Там же, с. 724, № 640]. «Мозг Достоевского – это микрокосм мозга России, русской идеи. Достоевский фантазировал, творил образами, Россия – реальностью. Писатель до деталей воспроизвел русскую мрачную фантазию и сам явился ее деталью» [Там же]. Подобным образом и Розанов, как Сверхдостоевский в своем «Апокалипсисе», предугадал пророчески ГУЛАГ [Там же, с. 819, № 728].

Россия погибла, но остались тексты. И поэтому Россия будет способна возродиться, ожить из текстов. Пока остаются тексты, живет язык, сохраняется присущая языку и заключающаяся в нем культура – не все потеряно.

Галковский приводит ключевое для понимания судьбы России высказывание Розанова, сказанное им перед смертью: «Как все произошло. Россию подменили. Вставили на ее место другую свечку. И она горит ЧУЖИМ пламенем, чужим огнем, светится не русским светом и ПО-РУССКИ НЕ СОГРЕВАЕТ КОМНАТЫ. Русское сало растеклось по шандалу. Когда эта чудная свечка выгорит, мы соберем остатки русского сальца. И сделаем еще последнюю русскую свечечку. Постараемся накопить еще больше русского сала и зажечь ее от той маленькой. Не успеем – русский свет погаснет в мире». Галковский считает, что это пророчество скорее не о трагедии русской эмиграции, а о более позднем, нашем времени [Там же, с. 117, № 92].

И еще одна ключевая цитата в связи с этим. То, что было написано еще до революции: «Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец глупа, наконец даже порочна. Именно, именно когда наша “мать” пьяна, лжет и вся запуталась в грехе, – мы и не должны отходить от нее ... Но и это еще не последнее: когда она наконец умрет и, обглоданная евреями, будет являть одни кости, – тот будет “русский”, кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми плюнутого. Так да будет ...» [Там же, с. 118, № 94].

Здесь видно включение «еврейского вопроса» в судьбу России. Евреям как Розанов, так и Галковский уделяют много внимания, порой кажется, что непропорционально много. С точки зрения Галковского, евреи вошли в русскую историю, но и русская история вошла в еврейский мир, так что после симбиоза с русскими евреи уже не будут прежними. «Революция носила расовый характер. Периферийная местечковая культура внезапно оказалась в центре духовной жизни государства» [Там же, с. 299, № 282]. Розанов писал о космополитизме евреев, как они «врастают» в каждую среду [Там же, с. 225, № 210]. Но вот в русской истории они запутались [Там же, с. 335, № 306, № 310]. Своя власть неизмеримо лучше любой чужой [Там же, с. 647-648, № 573]. Но когда власть захватывается чужими, которым, в свою очередь, сам народ чужой, то происходит катаклизм. Оставшись без «отца» (тема отца – одна из центральных тем романа), русские стали действовать по принципу «так не доставайся же ты никому». «Русские не захотели [жить для чужого]. С кровью, с мясом выдрали, потеряли все, почти все, разрушили и уничтожили национальные святыни, но сохранили большее». «Евреи сели в сани, а русские их потеряли» [Там же, с. 282, № 267]. «Если Россия без Бога и Царя, то никакая. И стали строить “никакую Россию”. И Россия гордым “Варягом” пошла на дно, в преисподнюю» [Там же, с. 380, № 355; с. 387, № 362].

С точки зрения Галковского, восхваление Розановым евреев в самом конце жизни было особой издевкой. Здесь снова ирония, сарказм, оборачиваемость русской истории. Розанов написал о «погромах» в 1918 г., когда проходили погромы наоборот (глумливый оттенок

высшей формы русского диалога и высшей формы вообще русского мышления). В этом смысле «Розанов – это гениальный русский предатель. Неслыханный цинизм, перешедший в абсолютную светлую искренность. Розанов настолько лжив, что это превращается в высшую правду» [Там же, с. 775, № 690].

Галковский пытается предположить, что мог бы сказать Розанов в эмиграции, если бы прожил еще 10 или 20 лет [Там же, с. 675-676, № 597]. Главное, пожалуй, это то, что 1937 г. – точка разворота, начало выкарабкивания из пропасти. «1937 – это год смерти революционного поколения. Свиньи упали в пропасть» [Там же, с. 676, № 597]. После этого по сравнению с предыдущей глубиной падения положение дел стало понемногу выправляться. Завет Розанова в том, чтобы любить русского человека, несмотря на него самого, «до социализма» [Там же, с. 909, № 813]. И тогда что-то прорастет через асфальт.

Отец

Фигура отца в «Бесконечном тупике» имеет ключевое значение. Сам роман посвящен Отцу (с большой буквы). В четвертом издании (2020) приводится вымышленный диалог с отцом, в котором Галковский признается, что каждый день думает о нем.

Понятие «отца» в романе не сводится к буквальному родителю. В качестве «отца» выступают также Сократ [Галковский, 2020, с. 673-674, № 593], Розанов [Там же, с. 164, № 140; с. 674, № 593; с. 700, № 625], Николай II, принявший мученическую смерть [Там же, с. 485, № 438; с. 506-507, № 466], и, наконец, страна как отечество.

В этом смысле фигура отца выявляет сущности более общего или высокого порядка. «Мир отца – это русский мир в его болезненном развитии, в усложненном распускании» [Там же, с. 238, № 224]. Осознание того, что «отец – дурак» [Там же, с. 44, № 22], наблюдение за тем, как отец превратился в идиота по причине развивавшейся болезни и в результате употребления суррогатного алкоголя, служит персонификацией того, что стало с Россией.

Отечество, как земля «отцов», должно бы принадлежать Одинокovu, но России больше нет, он оказался чужим в мире, выстроенном вокруг него, его место было занято. «Бесконечный тупик», таким образом, – книга об отце [Там же, с. 836, № 741]. Смерть его в высшей степени реальна [Там же, с. 397-398, № 373]. Но так же, как сказал Розанов, «в жизни реальны только мечты» [Там же, с. 667, № 588]. С 16 лет Одинокov мечтал спасти отца. Также (предположительно) он мечтает и о спасении России как отечества, вызволении ее из «Советского Союза». Мечта может осуществиться. Книга об отце, но «я» Одинокova есть «смысл его бессмысленной жизни». Внутреннее возвращение к отцу – попытка его оживотворить, сделать так, чтобы его смерть перестала определять авторское «я», в чем обретается свобода [Там же, с. 836, № 741].

Сексуальность

Галковский полагает, что Розанов был «нормальным» человеком; тема сексуальности привлекала его как исследователя. Он чувствовал ее большой потенциал [Галковский, 2020, с. 814, № 723]. Если бы он писал в наши дни, после Фрейда и Юнга, эта тема, исхоженная и препарированная вдоль и поперек, уже не была бы ему так интересна. «Розанов мне близок

и разлившейся по всем его книгам густой эротичностью. Все остальные отечественные философы удивительно неэротичны и даже несексуальны» [Там же, с. 538, № 485]. В отличие от них, Розанов «вывернул свою бытовую жизнь в официально-философскую область. Получилось так интимно, так искренне, так глубоко». Достоевский стеснялся говорить о половом чувстве, Набоков стеснялся говорить о евреях, а Розанов свободно говорил и о том, и о другом. Согласно Галковскому, тема евреев тесно переплетается с темой сексуальности в своей «архетипичности» и бесконечности [Там же, с. 577-578, № 521].

«Есть такие темы деликатные. На них люди раскрываются больше, чем им бы хотелось. На таких-то темах человек и виден. Например, тема любви, эротики и секса» [Там же, с. 578, № 521]. «Розанов писал: “Все ОЧЕРЧЕНО и ОКОНЧЕНО в человеке, кроме половых органов, которые кажутся около остального каким-то многоточием или неясностью ...”» [Там же]. Розанов не боялся говорить на эту тему, что характеризует его как свободного, незашоренного автора.

* * *

В последние годы к интерпретации «Бесконечного тупика» приступали в основном филологи, которых интересовали именно жанровые и стилистические особенности произведения [Золотухина, 2013; Золотухина, 2014; Мартюшева, 2018; Дейкун, 2025].

Вычленение же собственно философской составляющей романа затрудняется тем, что его автор надевает на себя многие маски, говорит от лица разных персонажей, в чем-то предвосхищая ставшую модной в последнее время постиронию, так что эти «обознатушки-перепрятушки» создают неизбежную вариативность восприятия. Читатель романа проходит часть пути вместе с его автором, но где-то оказывается в своем собственном пространстве. Роман – словно зеркало, в котором читатели видят разное изображение в зависимости от того, на что они настроены. Но, судя по всему, это часть риторического эффекта Галковского, который на нескольких уровнях разрывает привычные шаблоны в голове читателя эпохи перестройки, чтобы вызвать в нем необходимость пересмотра окружающей его привычной действительности, соотношения этой действительности с исторической Россией XIX – начала XX вв. и определения своего места в мире. То, что в качестве alter ego автора романа был выбран сравнительно на тот момент малоизвестный В. В. Розанов, можно считать удачной находкой Галковского с точки зрения риторического воздействия на читателя. Розанов был у точки входа в советский мир, Галковский же компоновал свое составленное из многочисленных цитат произведение во время, которое интуитивно ощущалось как практически точка выхода, хотя на тот момент было невозможно предсказать вектор дальнейшего развития страны. В частности, «Бесконечный тупик» был закончен незадолго до знаменитой статьи А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию?» (1990), которая вышла рекордным тиражом, попала практически в каждый советский дом и вызвала широкий резонанс. В отличие от программного текста Солженицына, «Бесконечный тупик» долгое время не был доступен для массового читателя и был напечатан целиком уже после того, как выбор был сделан.

Хотя написанный 40 лет назад «Бесконечный тупик» стал частью прошлого, в некотором смысле историческим артефактом и срезом своей эпохи, представленные в нем многочисленные цитаты из основных произведений Розанова по-прежнему позволяют

увидеть потенциал Розанова как мыслителя и сохраняющееся значение его книг для интеллектуальной культуры России, хотя для современного читателя они уже не несут того «откровения», которое было частью их восприятия ранее, в десятилетия, предшествовавшие массовому изданию сочинений Розанова.

Список литературы / References

Галковский, Д. Е. (1992a). Бесконечный тупик. Фрагменты книги. *Новый мир*. № 9. С. 78-120.

Galkovsky, D. E. (1992a). The endless Deadlock. Book fragments. *Novy mir*. No. 9. Pp. 78-120. (In Russ.).

Галковский, Д. Е. (2019). *Письма сестры*. М.

Galkovsky, D. E. (2019). *The Sister's Letters*. Moscow. (In Russ.)

Галковский, Д. Е. (2020). *Бесконечный тупик*. Т. 1-2. М.

Galkovsky, D. E. (2020). *The Endless Deadlock*. Vol. 1-2. Moscow. (In Russ.)

Дейкун, И. Д. (2025). Гипертекст в художественной литературе как технология и как метафора. На примере «Бесконечного тупика» Д. Е. Галковского. *Litera*. № 4. С. 313-326.

Deikun, I. D. (2025). Hypertext in Literay Art as a Technology an as a Metaphor. An Example from “Endless dead end” by D. E. Galkovsky. *Litera*. Vol. 4. Pp. 313-326. (In Russ.)

Золотухина, О. И. (2013). Литературоцентричность русской истории в романе Д. Е. Галковского «Бесконечный тупик». *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика*. № 4. С. 15-22.

Zolotukhina, O. I. (2013). The literary discourse of Russian history in Dmitry Galkovsky's novel «The infinite deadlock». *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. No. 4. Pp. 15-22. (In Russ.)

Золотухина, О. И. (2014). Жанровый синкретизм в романе Д. Е. Галковского «Бесконечный тупик». *Язык. Культура. Коммуникации*. № 1. С. 28.

Zolotukhina, O. I. (2014). Genre syncretism in the novel of Dmitry Galkovsky «The indefinite deadlock». *Language. Culture. Communications*. No. 4. P. 28. (In Russ.)

Мартюшева, М. А. (2018). Особенности построения гипертекста в книге Д. Е. Галковского «Бесконечный тупик». *Слово и текст: психолингвистический подход*. Вып. 18. С. 80-86.

Martiusheva, M. A. (2018). Specifics of Hypertext Construction in the Novel “Endless deadlock” by D. E. Galkovsky. *Word and Text: A Psycholinguistic Approach*. Iss. 18. Pp. 80-86. (In Russ.).

Масленников, И. О. (2020). Дмитрий Галковский: метод Розанова. *Вестник ТвГУ. Серия: Философия*. № 2 (52). С. 179-188.

Maslennikov, I. O. (2020). Dmitry Galkovsky: the Rozanov Method. *Vestnik Tver State University. Series: Philosophy*. No. 2 (52). Pp. 179-188. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Стрельцов Алексей Михайлович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: streltsov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1116-1884>

Статья поступила в редакцию: 14.08.2026

После доработки: 10.09.2026

Принята к публикации: 14.09.2026

Streltsov Alexey – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Officer of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: streltsov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1116-1884>.

The paper was submitted: 14.08.2026

Received after reworking: 10.09.2026

Accepted for publication: 14.09.2026